

Вчерашний спектакль в Художественном театре разбудил одно из самых универсальных предубеждений. Он показывал, во-первых, что драматическое произведение Тургенева можно считать.

Предубеждение о неединственности тургеневских произведений содвинулось очень давно и держалось упрямой, нерушимой стеной, которую не могли сломать ни доказательства, ни доказательства. Сами Тургеневы в своем быту бы неспособны были драматургами. Так и состав из мотыльков с этого мира человека.

Какая удивительная судьба! Создать ряд великих по количеству произведений, привнесших реформировать приемы драматического творчества, утончить и углубить действия, — создать все это, говорить им, и уверить из полного неведения значения своего произведения!

Но все, конечно, разделили это широко распространенное мнение о немощи, бедности и вообще неединственности драматических произведений Тургенева.

В театральном критике раздался от времени до времени голос из пещеры Тургенева драматурга, но это были слишком одинокие голоса. И, что особенно удивительно, — о Тургеневе не вспоминали даже тогда, как писал Чехов, благодаря Художественному театру, был признан единичным и повсеместно стали пользоваться успехом. Удивительно это потому, что Тургенев является по праву литературным отцом Чехова.

Величайшую выразительность, глубинную простоту и кристальную чистоту пушкинской прозы наследовал из русской литературы во всей полноте только один Тургенев, а тургеневский язык наследовал из полноты только один Чехов.

Для тех, кто чувствовал всю эту связь и привыкнув к литературе, кто понимал духовное родство писателей, не было никакого сомнения, что существом Художественный театр в дни Тургенева — драмы и комедии Тургенева составили бы целый эпоху в истории русского театра.

Но широкой публике надо было показать это мотыль.

И вот актеры показали.

Пьеса слушалась с самым полным вниманием. Тошно это была мода пьесы, а не впечатления с полки библиотеки, где пролежала она десятки лет.

Когда в былые времена «Шляхцы из деревни» ставили в Александрийском театре и в Малом, то прибегали к сокращениям многих сцен. Вычеркивали большие диалоги.

— Чтобы не было скучно!

И было все-таки скучно. И тогда гово-

ли, что пьеса эта для чтения, а не для сцены. Словом, было как раз то, что на глазах нашего поколения происходило столько лет с драматическим Ибсеном и что происходит сейчас с драматическим Метерликом.

Художественный театр сохранил весь тонус пьесы Тургенева. И что? Скучно не было ни на одно мгновение.

Глубокое проникновение театра души Тургенева в творчество вышло из создания живых образов, позволяющих тем особым изощрениям, которые достигаются чуждою и красотою внутреннего мира человека. И все постановки пьесы сдвинули, и все действия проведены из светлых и ярких тонов. Действия или в разрывались перед зрителем точно из светлых симфоничных дуг. Было и светло, и тепло.

Самое сильное и самое сильное впечатление оставила Вэрочка из создания г-жи Корнеевой.

Пьеса Тургенева в литературных воспоминаниях его друзей дошла до наших дней рассказы об исполнении этой роли М. Г. Савиной. Сами Тургеневы бы так очарованы игрою Савиной, что сказали ей:

— Когда я писал Вэрочку, я не знал, что она может быть такой прекрасной.

Но знаю, что сказали бы Тургеневы, видя г-жу Корнееву в роли Вэрочки, но мы, откровенно аналитический талант М. Г. Савиной со всем его достоинством, не можем себе представить, что Вэрочку кто бы то ни было мог или может сыграть лучше, чем г-жа Корнеева.

Преимущество г-жи Корнеевой перед Савиной заключается в чуждости. У Савиной Вэрочка была красивая девушка, — обычный театальный прием для легкого привлечения внимания зрителя на сцену изображенного лица.

Г-жа Корнеева умела ничего не делать, чтобы создать великую красоту из облика девушки. Она могла девушка по чуждости. И тем не менее она всецело приковывает к себе и внимание, и симпатии зрителей; она берет это все высоким художественной передачей тонких движений души этой девушки, неотрывно прекрасной из нерыных проблесков разлита еще бесконечной любви и нерыных лучей разбитого сердца. Нерыное лицо артистки с такою выразительностью и такою правдой отражает каждое тонкое движение души, что зритель не может не зарываться в нее и не переживать из-за выходов с исключительностью. Ни одного нейтрального движения, ни одного фальшивого слова, ни одного театального пошлого голоса. Боже великого, Боже праведного и Боже нравственного воплощения живого образа девушки, даешь себя представить при самой необузданной немыслимости воображения.

Объяснение с Натальей Петровной из тро-

темъ дѣйстви Вѣрочка-Коренева ведетъ такъ, что съ патетичнымъ дышаньемъ любовается каждою деталлю ея чудесной мишени и ни на мигъ не можетъ оторвать глаза отъ ея лица и ея фигуры.

Въ четвертый дѣйствіи, когда Вѣрочка-Коренева, отчитавъ Наталью Петровну, уходитъ со сцены, раздалась громоподобная аплодисменты всего театра среди дѣйствующихъ, со всѣмъ бывалоемъ давленіемъ въ стѣны Художественнаго театра. Съ основанія театра рѣшительно охранялся порядокъ, задерживавшій аплодисменты среди дѣйствующихъ. Достойнѣе театральности театра любилъ востановиться въ этомъ правилѣ. И вдругъ... его нарушаютъ. Значитъ же, было съ чего.

Это могъ сдѣлать только юный и съ своей художественной красотой талантъ. И г-жа Коренева несомнѣнно тактъ обладатель.

Второй послѣ Вѣрочки лирикой, притягивающей къ себѣ вѣстие вниманіе зрителей, на сценѣ явился студентъ Бѣловъ въ исполненіи молодого, начинающаго артиста г. Болеславскаго. Его исполненіе отличалось тѣмъ же достоинствомъ, какъ исполненіе г-жею Кореневою роли Вѣрочки.

Въ театральномъ мірѣ издана сложность мнѣнія будто роль студента Бѣлова безцѣпна и сдѣлать изъ нея ничего нельзя. Г. Болеславскій блестяще опровергаетъ это.

Прежде къ роли Бѣлова подходили съ наирѣднѣе сдѣлать типичнаго студента, считая, что это и есть главная задача. На сценѣ Художественнаго театра въ роли Бѣлова студентъ былъ истиннымъ вымысломъ,—мудакъ, фразомъ и длинными волосами; все вниманіе было отдано передачѣ внутренняго переживанія юности, независимо отъ того, студентъ онъ или не студентъ. Получился живой, плѣнительный образъ юности, чарующій своею чистотой и смѣлостью.

Вѣрочка и Бѣловъ явились фигурами великолепною, выходящею изъ художественной тѣни.

Великія силы должна таить въ себѣ юность, которая сдѣлать такъ много молодыхъ артистовъ, какъ г-жа Коренева и г. Болеславскій.

Центральнымъ лицомъ въ пьесѣ стоитъ Наталья Петровна. Ее исполнила г-жа Книпперъ. Эта превосходная артистка провела роль, какъ и надо было ожидать, очень хорошо. Но ея Наталья Петровна въ художественной цѣлности далеко не возмѣщалась, да такого совершенства, въ канонъ была передана роль Вѣрочки и Бѣлова. Но я то скажу: роль Натальи Петровны страшно трудная, сложная и тонкая. Для передачи ея надо имѣть талантъ многогранный и очень большой силы, большой глубины.

Однимъ изъ самыхъ главныхъ недостатковъ исполненія г-жи Книпперъ было то, что ея Наталья Петровна не была большою барынейю, между тѣмъ это, именно это яв-

ляется въ дѣйствіи Натальи Петровны руководящимъ началомъ.

Трудную роль Ракитина,—наиболѣе тонкую изъ всѣхъ ролей,—очень хорошо провела г. Станиславскій. У него получилась живая и интересная образъ большого барина со всѣми достоинствами и недостатками этого типа большого времени.

Большое впечатлѣніе оставляетъ въ послѣдствіи дѣйствіи его появленіе, обращенный къ Бѣлову.

Живо и бойко, но безъ тѣни шаржа, ведетъ роль Шингелскаго г. Гурбунгъ. Его объясненія съ Лизветомъ возмущающимъ на дѣйствіи заставили всемо сѣяться всѣмъ яркимъ салъ.

Чудесную фигуру, полную здоровья, заботливаго компанія даетъ г. Ураловъ въ роли Большинцева. Его появленіе на сценѣ сразу вызываетъ смѣхъ. И смѣхъ звучитъ вѣдѣ въ все время пока Большинцовъ—Ураловъ находится на сценѣ.

Эпизодическія роли,—Акимъ Семеновичъ, Липавскій Богдановичъ, Катя и Шафъ,—превосходно исполняются г-жами Самаровой, Муравовой, Дмитріевской и г. Званцевой.

Не удалась только одна роль,—Аркадій Сергѣевичъ. Ее исполнилъ Масалитиновъ. Не чувствовалось въ его исполненіи живого человека. Это была только игра.

Прячню надо искать, думается, въ отсутствіи нервозности и подвижности въ лицѣ артиста.

Аркадій Сергѣевичъ терается, но, скрывая мученіе, старается улыбаться. А у г. Масалитинова коимъ улыбка—такъ уже все улыбается: и губы, и глаза, и все, все. О терзаніяхъ души нѣтъ и помину.

Получается впечатлѣніе игры почти любительской.

Аркадій Сергѣевичъ явился единственнымъ являющю,—правда, маленькою, чуть замкнутою, но все же являющю на величавый, художественно четкой и тонкой линіи, впечатлѣній въ живыхъ формъ турецкаго творчества.

Декорации г. Добужинскаго—красны, стильны, правдивы. Много простора въ видахъ, много свѣта и уютъ въ комнатахъ большого барскаго дома.

Костюмы — сама несмысленность въ ихъ стильности, подбѣръ и разнообразіи красокъ.

Дл. Одиной.